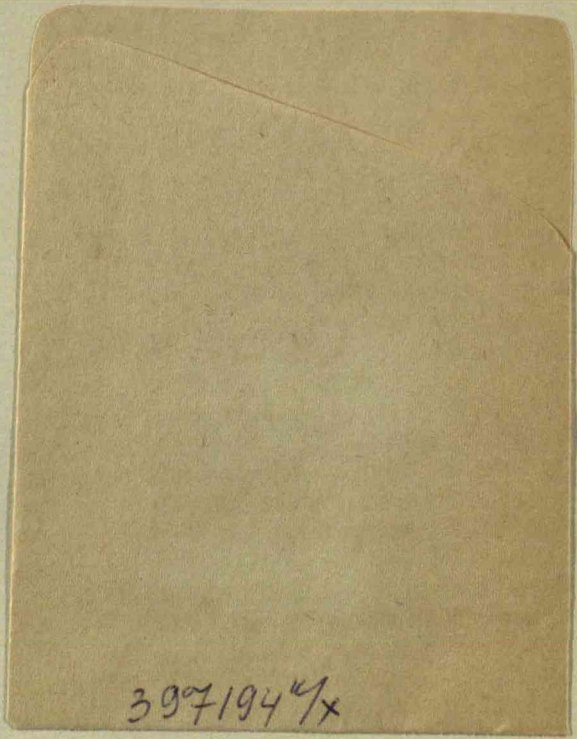
133669-2 84(2Рос-6Х)6-5
С(Хак)
К 97
К/Х

Иван КЫЧАКОВ

Весенние ЗОРИ

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1953

397194 4/x

84(2Рос-6Хк)6-5
Обязательный экземпляр

Иван КЫЧАКОВ

Х С(Хак
К97

Костромская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской
Обменный фонд
г. Кострома, ул. Советская

ВЕСЕННИЕ ЗОРИ

133669
397194 Нх Т
1959
КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1953

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Защитникам Кореи	3
Два портрета	7
Гонцы весны	13
Ангарская побаска	21
Дорога	26
Лисица	27
На жатве	29
Страда	31

Редактор А. Чмыхало.

Тех. редактор Н. Корнеева. Корректор Н. Карабалыкова.

Подписано к печати 26 января 1953 г. АЧ00012. Печатных листов 1¼. Учетно-изд. листов 1,5. Тираж 1000 экз. Зак. 4734. Типография из-ва „Советская Хакассия", г. Абакан. Цена 1 руб. 25 коп.

ЗАЩИТНИКАМ КОРЕИ

(Песня хайджи)

... Мой чатхан семиструнный печально поет.
Захлебнувшись слезою, он глухо звенит.
От крутых черных туч потемнел небосвод.
От печали душа моя болью горит.
Вижу я через горы просторы морей.
На морях вижу тени больших кораблей.
Смерть, я вижу, акулой плывет по морям.
Смерть неслышно крадется к чужим берегам.

Ясной мысли порыв с чем могу я сравнить?
За полетом ее не легко уследить—
Не успеешь закрытых глаз приоткрыть,
А открытых глаз не успеешь закрыть.
Но сейчас, моя мысль, ты быстрее лети,
На печальную землю Кореи лети!

Мой чатхан, несмолкая, поет и поет.
В этой песне призыв вдохновенно звучит.
Над Кореей пылает огнем небосвод,
Гнев народный, как бурное море, кипит.

VI

... Растаял всадник в темноте туманной,
Огонь костра от ветра задрожал.
— Ай, доченька!
Ай, милая Татьяна!—
Чабан с улыбкой гордо воскликал...
... Она смотрела ласково с портрета:
Высокий лоб,
Веселые глаза
И родинка—
Счастливая примета,
Которую никак забыть нельзя.
А на плечах лежат тугие косы...
Харол глядел, не отрывая глаз,
И вздрогнул от нежданного вопроса:
— А ты, Харол, что делаешь сейчас?
А почему ушел ты от комбайна?
Молчишь?
Старик, нахмурившись, привстал
И глубоко запрятанную тайну
В глазах Харола тотчас прочитал.
— Не выдержал?
Ушел от агрегата?!
Да как же так!
Да как же ты посмел!?
... Харол молчал.
Потупясь виновато,
Он на огонь беспомощно глядел.
Чабан сказал:
— Я видел за каналом
В степи,
Где пас когда-то байский скот.
Стальные рельсы,
Насыпи и шпалы...

Вижу я на дороге корейскую мать.
Ей, как птице, для сына гнездо бы свивать!
Но она провожает сыночка в поход
И без страха винтовку ему подает.

Кто послал корабли резать пену валов?
Отчего небосвод стал тревожно багров?
Почему, о желанном покое забыв,
Шепчет мать справедливого боя призыв?

Это Трумэн в Корею послал корабли!
Это он приказал, чтобы небо зажгли!
Он рукою взмахнул—и на город Пхеньян
Ранним утром злодеи свершили налет.
И на север Кореи багровый туман
От Сеула поплыл, чтоб закрыть небосвод.
И на луг, где корейский мальчонка играл,
И на фанзу, где мирный рыбак отдыхал,
На зеленое поле, где рис вызревал,
Смертоносный снаряд, громыхая, упал...

... Если вспомнишь историю давних веков,—
Страшный грохот услышишь прошедших боев.
Мой хакасский народ был повержен войной,
Стали степи родные пустынной землей,
Зарастали холмы богородской травой.
И недаром, коль кинешь на степи свой взгляд.
Ты увидишь, как мертвые камни стоят.

Только свет самых ярких немеркнущих звезд
Нам дорогу к великой мечте озарил.
Только Ленин любимый нам счастье принес,
Только Сталин народ мой навек возродил.
И когда начинали мы заново жить,
Мертвой хваткою враг нас хотел задушить,

Чтобы радость людскую в крови потопить,
Чтобы счастье народное испепелить.
Первый сын мой в двадцатом убит Колчаком
Я не знаю когда—на заре или днем,
Только сердцем отцовским я знаю о том,
Что Колчак пистолет на него наводил,
А незванный „советник" стрелять торопил,
И что пуля, которая в сердце вошла,
На заморском заводе отлита была.

Волчья хитрость! С тобою давно я знаком.
Волк боится столкнуться в степи с табуном.
Знает он, что добыча близка и легка,
Коль удастся от маток отбить сосунка.
Так и Трумэн, по-волчьи оскалив клыки,
То в отважный Китай засылает полки,
То в Афины бросает броневики,
То он тянется к горлу шипящей змеёй,
То ползет по дорогам заразой чумной.

Разве может Медведицы ясной звезда
С небосвода скатиться? Нет, никогда!
Разве может певучая в реках вода
На тасхыл возвратиться? Нет, никогда!
Потому и напрасны уловки врагов.
Им народную силу ничем не сдержать,
Как у моря нельзя отобрать берегов,
Как нельзя у степи звонкий ветер отнять.

Прославляю, Корея, отвагу твою!
Эту песню чатхан мой о славе поет.
Пусть сыны твои будут бесстрашны в бою,
Как мои сталинградцы в тот памятный год.
Восхищаюсь тобою, корейская мать!
Твой защитник вернется с победой домой.

Будут реки шуметь, будут травы шептать:
— Долгожданный, родной, дорогой...

Как хочу я, чтоб скромная песня моя
Облетела Кореи любимой края!
Чтоб защитникам волю в бою придала,
Чтобы в мускулы новые силы влила,
Пехотинцу-корейцу чтоб дотом была,
Для пилота стальным самолетом была.
А для тех, кто народу войною грозит,
Моя песня проклятьем звучит!

ДВА ПОРТРЕТА

С картинки
Цветной, заграничной,
Из-под прикрытых век,
Стараясь улыбаться приличнее,
Смотрел на меня
Субъект.

Очкастый,
С жидкими волосами,
С носом,
На клюв похожим,
С острыми,
Как у хорька, зубами...
Кто же он, думал я,
Кто же?

Ах, да!
Это янки-Гарри —
Представитель Соединенных Штатов,
Для Уолл-стрита
Хороший парень —

Развратный,
Лживый,
Богатый...
Это он, оружьем бряцая,
Грозится сынам Китая!
Это он,
Матерей не жалея,
Бомбит города Кореи!
Смотрел я
И вдруг застыла
Даль
В пелене туманной...
... До революции это было.
... На далеком
Прииске
Санном.
... Хакас Урсанах Угдыжеков
Работал
В сыром забое.
Он знал,
Что ему от века
Дано
Лишь горе глухое.
И однажды
В очереди у кассы,
Где гроши выдавали рабочим,
Печальные глаза хакаса
Загорелись,
Как звезды ночью.

— Скажи мне, хозяин,
Ответь мне—
Где бы ты взял капиталы,
Если бы вдруг на свете

Мозолистых рук
Не стало?
Нужда нас душит удавкой.
Да разве
Мы в том виноваты?
Дай
Хоть немного прибавки,
Накинь четвертак на брата.

Хозяин ответил не сразу...
Насупив мохнатые брови,
Подошел он
Вплотную к хакасу,
Наливаясь
Бешеной кровью.

— Прибавки ты хочешь?
Ну, что же,
Тебе заплачу я дороже...
Помолчал...
И чтобы ранить больнее,
Насмешкой
Ударил в душу:
— За выбитый зуб—
Пять копеек,
За сломанный—
Только полушку.

И тут хохоток дребезжащий
И голос раздался гнусавый:
— О, мистер,
Друг мой дражайший,
Я вижу
Щедры вы на славу!

Не стоит гроша оборванец,
А зубы—
Взгляните сами...

Смеялся
Приезжий американец—
Очкастый,
С жидкими волосами,
С носом,
На клюв похожим,
Шикарно одетый,
Поджарый...
— Ну, что вы!
Да разве так можно...
Такие зубы берите даром!

Нет, мы
В наших славных Штатах
С неграми
Поступаем иначе—
Мы их вешаем
Без всякой платы
И при этом
Не требуем сдачи.
А у вас здесь
Метели воют,
Сибирская злая стужа.
Выкинуть на снег с семьею—
Вот и все!
И вешать не нужно...

... Шагал Урсанах по поселку,
На салазках

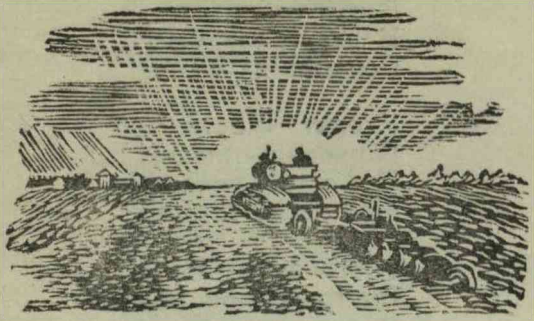
Везя пожитки.
Поземка кидала в лицо иголки,
А под ноги—
Снежные нитки.
В вой ветра
Вплетался тонкий
Плач
Напуганного мальчонка.
Жена,
От снега седая,
Брела,
Дороги не замечая...

Так шли
По степному простору,
Задыхаясь в морозном тумане...
А вслед им
В окне конторы
Улыбался
Американец...

... Сказал Урсанах:
— Я не знаю,
Где мы найдем подмогу.
Но месть,
Что в груди пылает,
Выведет нас на дорогу!
. . . . . .
— Выведет!—
Знали мы свято,
Когда поднимали знамена.
— Выведет!—
Знают солдаты
Корейской земли опаленной.

И тот,
Что глумился когда-то
Над моим земляком Урсанахом,
Бежал под звуки набата,
Переполненный злобой
И страхом.
А этот
Глядит со снимка,
Как тот из окна конторы.
Конец его злобной улыбке
Настанет,
Настанет скоро!

ГОНЦЫ ВЕСНЫ

„... Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы.
Она нас выслала вперед".

Ф. И. Тютчев.

1

По рельсам грохочущий
Мчится экспресс.
То горы, то степи,
То пашни, то лес.

Вот речка мелькнула
Стрелой голубой.
Мгновенье—и речка
Уже за спиной.

Скользнула звезда
Золотою чертой.
Запуталась в искрах
Над дымной трубой.

А туча всей грудью
Вдохнула дымок
И вдруг, закружась,
Поплыла на восток.

Уходит с пути
Глухомань-тишина.
И в стуке колесном
Мне песня слышна:

„Обгоним мечты
Быстрокрылой полет!
Ведь счастье народа—
В движеньи вперед!"

2

В четвертом вагоне
Сидит агроном,
Склонившись с улыбкой
Над смятым письмом.

„Прошу,—пишет друг,—
Заезжай погостить!
Солдатскую дружбу
Водой не разлить.

Нам есть что припомнить
За несколько лет..."
... Письмо дочитал,
Запрятал в планшет.

— Прости, старшина!
Тороплюсь я домой!—
И тронул поспешно
Мешочек тугой.

Его бережет он
И ночью и днем—
Подарок колхозу
Везет агроном.

3

Как черные тени,
Мелькают кусты.
Всходы звезд в небесах
Высоки и густы.

Вон виден культстан—
Не спит бригадир.
Он видит колхозный
Счастливый мир.

И кажется: слышит
Отчетливо он
Колосьев горячих
Раскатистый звон.

(Подумав о том,
Агроном-фронтовик
Взглянул на мешок
И к окошку приник.)

А парню в культстане
Теперь не до сна:
— Весна наступает!
Ну, здравствуй, весна!

И парень тихонько
Приемник включит.
Щелчок—и не лампа,
А сердце горит;

Не музыка джаза
Ворвется в культстан,
А голос далеких
Неведомых стран;

Не ночной соловей,
А солдатский рожок
На востоке зарю
Своей песней разжег.

И лучи той зари
Сквозь гряду облаков
Засверкали, сплетаясь
С лучами штыков.

То солдаты Кореи
Вздымают штыки,
Как грядущего счастья
Густые ростки.

И вьетнамец шагает
Навстречу боям
По весенним следам,
По веселым ручьям.

Пусть завтра придется
В бою умереть,
Но песню свободы
Он хочет пропеть.

И негр Оклахомы
Глядит на рассвет,
Душе его песни
Отраднее нет,

Чем Робсона песня
О том, как народ
От края до края
На битву встает.

... Заря бригадиру
Видна впереди
И он трактористу
Кричит:
— Заводи!

С тобой нам, товарищ,
Теперь не до сна—
По нашей планете
Шагает весна!

4

Культстан промелькнул.
А в вагоне своем,
Как прежде, сидит
У окна агроном.

Как парню в культстане,
Ему не до сна—
Летящий экспресс
Нагоняет весна.

А в эту весну
Войти нужно так,
Чтоб сердце стучало
С курантами в такт,

Чтоб мысли порыв
Был бы так же упрям,
Как ветер весны,
Что дышит по полям...

1336692
397194
КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

Нам некогда нынче
Томиться и млеть.
Нам надо учиться,
Дерзать и уметь.

Чтоб счастье звучало
На всех языках,
Мы роем каналы
В бесплодных песках.

Мы землю украсим,
А правду свою
Всегда отстоим
И в труде, и в бою.

... Глядит на мешок
Любопытный сосед:
— Вы что в нем везете?
Иль это секрет?

— Я зерна пшеницы
Везу к нам в колхоз.
В Москве раздобыть
Мне ее удалось.

Ни прадед, ни дед,
Ни отец мой седой
Не видели сроду
Пшеницы такой.

Но будет она
На полях моих зреть!
К весеннему севу
Я должен поспеть.

Своими руками
В рядках положить,
Сберечь от мороза,
От града прикрыть.

Я счастье в работе
Сумею найти—
Хотел бы я утром
В пшеницу войти,

Руками колосья
Покрепче обнять
И запахи поля
Всей грудью вдыхать!

5

И снова грохочущий
Мчится экспресс—
То горы, то пашни,
То степи, то лес.

Вот речка мелькнула
Стрелой голубой.
Мгновенье—и речка
Уже за спиной.

(Не так ли, в работе
Не зная преград,
Проходим мы вехи
Свершений и дат.

И то, что вчера
Было только мечтой,
Сегодня становится
Былью живой.)

Москвы позывные
Звучат над землей.
О, звуки родные,
Вы вечно со мной!

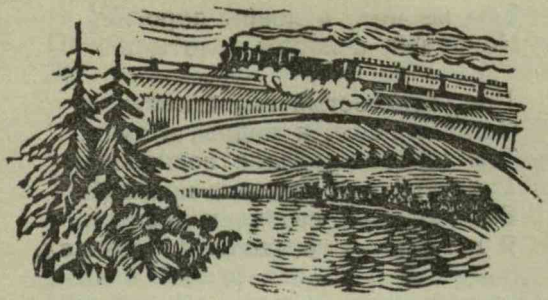
Мне с вами все дали
Близки и ясны.
Вы — голос живой
Коммунизма весны.

А в эту весну
Войти нужно так,
Чтоб сердце стучало
С курантами в такт,

Чтоб мысли порыв
Был бы так же упрям,
Как ветер весны,
Что летит по полям,

Как вешнее небо
Чиста и светла,
Чтоб песня твоя
Окрыленной была.

АНГАРСКАЯ ПОБАСКА

1

... Мы побаску начнем с поговорки:
—Одолжите, ребята, махорки!
Наступила для шутки минутка,
Задымила моя самокрутка.
Задымила и искрой стреляет—
Значит, кто-то меня вспоминает.

2

... Говорил мне однажды прохожий:
„Жизнь в тайге ни на что не похожа—
Мошкара, комары да болота...
Мне минуты здесь быть не охота".
Этим словом меня он обидел.
Я сказал:—Ничего ты не видел.

Что ты в нашей тайге понимаешь?
Что ты нашу красавицу хаешь?
Как зайду я в лесные хоромы,
Где у ветра в ногах буреломы,

Там не мох, а ковры дорогие,
Не ручьи, а ларцы золотые.

Там раскатистый голос летучий
Слышат горы, и кедры, и тучи.
Там любое преданье воскреснет
У костра под зеленою крышей.
Все любимые сказки и песни
Я в таежных раздольях услышал.

3

Посмотри на Байкал величавый—
Легендарной овеян он славой.
Только шепчут мне сосны-старухи
Нехорошие, вздорные слухи.
Будто... что-то такое... когда-то...
Навострите-ка уши, ребята!

Ангара полюбилась Байкалу.
Наезжали сваты поначалу.
Тонкой лестью родню угощали,
А потом пышно свадьбу сыграли.
Не бывал я на свадьбе, а жалко:
Говорили мне как-то увалы,
Будто волны лежали вповалку
Да отплясывал ветер удалый.

4

После свадьбы молва прокатилась:
„Ангара в Енисея влюбилась".
Эта весть всех людей облетела,
Только старый Байкал не задела.
Как-то раз он проснулся до свету,
Видит: милой жены рядом нету...

— Убежала!—воскликнул ревнивый,
Потрясая рассерженно гривой.
Застонал, начал биться о скалы:
— Убежала, ушла, убежала.
И сверкнув исступленно глазами,
Он с проклятьем метнул в нее камень...
. . . . . .
Было злобе в душе его тесно,
Но она клокотала напрасно...
Ведь в народе давно уж известно,
Что любовь никому не подвластна!

5

Эх, побаска! Тебя, вековую,
Я припомнил в минуту такую,
Когда там вон — у брода Сухого
Старика повстречал городского.
Говорит он:—Послушай, приятель,
Не пора ль Ангару обуздать нам?

— Это верно,—ответил я деду,—
Только как одержать нам победу?

И ответил старик:—Наше время,
Нашу славу в труде и в сраженьях
Внуки с честью опишут в поэмах,
В замечательных, вечных твореньях.
Ангара, твое время настало!
Покорись!
... Я стоял восхищенный
Небывалой картиной: с увала
Люди шли—за колонной колонна.

Краны в воздухе грузы носили,
В берега земснаряды вгрызались.
Чтоб с рекою померяться силой,

Водолазы на дно опускались.
Где-то взрывы вдали грохотали,
Экскаваторы черпали глину.
Из бетона, железа и стали
Над рекой поднималась плотина...

Для вопроса я выбрал тут время:
— Это что за старик?
— Академик.
И шофер подмигнул:—С Ангарстроя.
Видишь, дело совсем не простое!

6

О, Байкал мой, старик седовласый,
Ангара только нам лишь подвластна!
Не смотри, что я ростом не вышел—
Я душою скалы твоей выше.
Не скажи, что я сил не имею—
Я душою всех ветров сильнее.

Это я и учился, и строил,
И прошел до Берлина с боями,
Нерушимое счастье земное
Воздвигая своими руками!

7

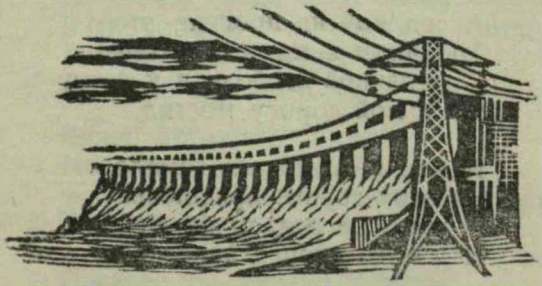
Моя Родина—чистая, светлая,
Дай мне теплую руку свою!
Никакими не выветрить ветрами
Те напевы, что с детства пою.

Эти горы и чащи багульника,
И тайгу, где мой прадед бродил,
И ангарские волны разгульные
Я навеки в душе сохранил.

Мое счастье не вымерить верстами,
Не купить никакою ценой.
Где понять вам, банкиры заморские,
Мою думу про наш Ангарстрой!

Заслонились вы, жадные, сытые,
От палящих ангарских огней,
А глаза ваши, злобой налитые,
Ваших тёмных душонок темней.

Знайте вы: как волне укрощенной
Крепость наших плотин не разбить,
Так и атомной бомбе хваленой
Моей Родины мощь не сгубить!

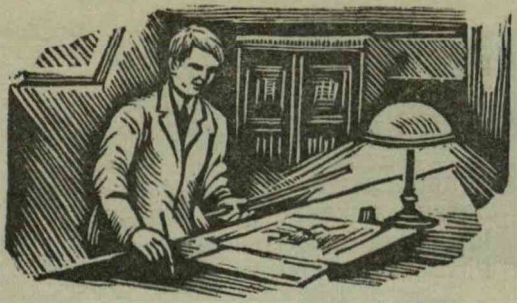
ДОРОГА

Мой прадед в тайге пробирался
С котомкой заветной пешком.
Он в глушь вековую врубался
Чалдонским своим топором.

А дед мой на просеке этой
Тропинку к мечте проторил.
К желанной свободе и к свету
Отец мой дорогу мостил.

И мне потрудиться немало
На этой дороге пришлось.
И вот уже рельсы на шпалах
И мчится вперед паровоз.

Мелькают огни семафоров...
В труде пролетают года...
А там, на чудесных просторах,
Горит коммунизма звезда.

ЛИСИЦА

(Рассказ охотника)

От стены ходил и до стены.
Распростился с шуткой и с чаями.
Десять дней не разгибал спины —
Думал над своими чертежами.

Вижу, истомился инженер.
Нелегка, видать, его работа.
— Вот что, милый, говорю, теперь
Ты пойдешь со мною на охоту.

Поседел ты, словно кабарга,
От того чертежного мытарства.
Тут она, брат, матушка-тайга
Будет лучше всякого лекарства.

И пошли. А день-то, день какой!
В синем небе солнышко смеется.
Инженер мой вертит головой,
А с планшеткой все ж не расстается.

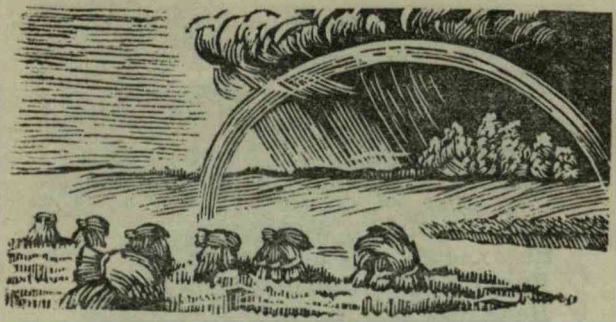
За увалом, около ручья,
Рыжая лисица мышковала.
Эх, была бы лисанька моя,
Только вышел случай небывалый!

Я прицел как следует навел,
Затаил дыханье для порядку.
Инженер как крикнет:—Есть, нашел!
Разгадал мудреную загадку...

И сует под нос мне свой планшет,
И кричит:—Теперь нужна лишь проба!
... Посмотрел я, а лисы уж нет...
Догони теперь ее, попробуй!

Шли домой и просто чудеса—
В сердце у меня поет удача.
Помогла разбойница-лиса
Инженеру разгадать задачу.

НА ЖАТВЕ

Страда! Страда! Большие дни—
Заря с зарей встречается.
Зарниц далекие огни
За сопками скрываются.

Звезда над нивою дрожит—
Боится в рожь свалиться.
А месяц рог задрал в зенит,
Чтоб не боднуть пшеницу.

Обкос ведет звено девчат.
Крыло у жнейки снизится,
Глядишь—снопы в рядках лежат,
Вдали суслоны высятся.

У бригадира бравый вид:
— Бодрее, мастерицы!
По 30 центнеров сулит
С гектара нам пшеница!

Глядит с опаской машинист,
Но не теряет гордости.

— А ну-ка, парень, подтянись,
— Прибавь, товарищ, скорости!

Комбайнер смотрит: в небесах
Над полем тучка сизая,
Как в лентах, вся в косых лучах
Плывет, дождинки брызгая.

Сначала робко, а потом
Всё хлеще, хлеще, хлеще.
Дождь, восхитившийся трудом,
Девчатам рукоплещет.

На лица струи ласку льют,
Прохладой освежая.
Не гром грохочет, а салют
Труду и урожаю.

— Довольно, дождь! Остановись!
Сейчас ты нам не нужен!
И тут упала с шумом вниз
Завеса из жемчужин.

Весь небосклон дождем промыт.
Встав над горой покатою,
Цветная радуга спешит
Замерить поле сжатое.

Шагнула, словно обожглась —
И верит, и не верит:
Да разве можно в один раз
Такую ширь измерить!

СТРАДА

(Поэма)

I

... Была страда.
И нива, дозревая,
Ждала твоей
Заботливой руки,
И светом фар всю степь пересекая,
Колхозный хлеб везли грузовики.
В труде комбайнеру сноровка помогала
Следить за хедером
И бункер выгружать.
... Была страда.
И нива призывала
Всю силу сердца
Родине отдать.
А ты, Харол,—
(Недаром в агрегате
Сказали про тебя:
„Тяжелый на подъём“)—
Шел по жнивью

Сутулый, мешковатый
И рассуждал:
„Чего спешить? Дожнем".
— Харол, вернись!
Но не было ответа.
Шептала совесть изредка ему:
„Ведь ты неправ. Неправ!"
Но только в этом
Тогда он не сознался б никому!
Он шёл,
Забыв о чести коллектива,
Не отвечая совести своей.
... А в это время
Над созревшей нивой
Ночь зажигала
Тысячи огней...

II

Звезда махнула огненной рукою,
В ночной степи указывая путь.
Пахнуло сыростью,
Жилищем, водопоем,
На огонек хотелось повернуть.
Вокруг безлюдно.
Речки переливы
Слышны издалека,
Как лепет детских губ.
Вот вспыхнул огонек,
Дрожащий, торопливый
И в сторону поплыл...
Какой-то чёрный сруб,
Да юрты обветшалой очертанья
Перед глазами встали.
И Харол

Припомнил:
„Здесь отец любимой Тани".
(Чабан отару с пастбища привел.)
А вот и он.
В зубах дымится трубка.
— Чего, как ворон, кружишь по степи?
Узнав, спросил:
— А где твоя голубка?
Смотри, Харол,
Девчонку не проспи!
И засмеялся, шуткою доволен,
И угощая крепким табаком,
Рад собеседнику—
Наговорился вволю,
Грел руки над притихшим камельком.
Потом про Таню говорил с заботой:
— Ей от ученья надо отдохнуть,
А тут—страда, колхозная работа—
Ни погулять, ни во-время уснуть.
Ты слышишь—
Элеватор, не смолкая,
Гудит,
Зовет к себе грузовики.
... Идет страда.
И нива, дозревая,
Хозяйской ждет,
Заботливой руки.
А дочь моя
Повсюду успевает.
Не спит ночей,
Да где теперь тут спать...
Идет страда.
И нива призывает
Всю силу сердца
Родине отдать!

III

Харол молчал.
С какой-то болью странной
Припоминал теперь он о своем.
... Еще дремали воды Абакана,
Ещё заря
Не встала над бугром,
А по дорогам,
По жнивью,
По трактам
Колхозники шли с песней на культстан.
И наш комбайнер Вася Аскараков
Сказал:
— Приказ о наступленьи дан!
Короткий митинг.
И слова, как клятва:
— Мы каждый колос нынче сохраним!
Так началась
Стахановская жатва,
И даже старый
Стал здесь молодым.
Устало солнце—
К западу склонилось.
Устал ручей,
И ветер лег в кустах.
Но тракторист
(В нем было столько силы!)
Сжимал рычаг в натруженных руках.
И лишь Харол не мог копнить солому—
Устал,
Полова резала глаза.
— Ребята,
Не пора ли нам до дому?—
Он робко, неуверенно сказал.

Со всех сторон откликнулись:
— Да что ты?
— Я помогу тебе!
— Крепись, Харол!
Ритмичный перестук вели решета,
И в темноте комбайн все шел и шел.
Шептал Харол:
— Нам норма—восемнадцать,
А сделали, наверно, двадцать пять.
И в самом деле,
Если разобраться,
Давно пора ребятам отдыхать...
Комбайнеру всегда
Две нормы надо...
Уж ночь пришла,
А мы все жнём и жнём.
Он хочет заслужить себе награду.
А я-то тут,
Скажите мне, причем?

... С каким стыдом,
С какою тайной болью
Он те слова сейчас припоминал!
Свою неправду
И свое безволье
Он этими словами прикрывал.
Не выдержав нагрузки небывалой,
Забыл ты о товарищах, Харол.
Махнув рукой,
Взглянул вокруг устало,
Украдкой бросил вилы
И побрел.

IV

И вот теперь
Перед отцом Татьяны
Стыдится он своей неправоты.
... Метнулась тень.
На лошади буланой
Подъехал всадник к ним из темноты.
— Здорово, кум!
— А-а, бригадир наш! Здравствуй!
Сойди с коня.
От всей души прошу!
... Парторг взглянул
В глаза Харолу властно,
Проговорил:
— Спасибо, я спешу.
Готовь, отец, закуски и айрана
Да поскорей поздравь с рекордом нас!
— А чей рекорд?
— Как чей? Твоей Татьяны!
Возьми газету, тут ее рассказ...
Чабан рукой дрожащею, несмелой
Газету взял.
— Портрет! Её портрет!
... Харол взглянул—
И сердце загорелось,
И, обернувшись, вновь увидел свет:
В степном просторе,
Ночь пересекая
Скользящим светом фар,
Пылят грузовики.
... Идет страда,
И нива, дозревая,
Там ждет твоей
Заботливой руки.

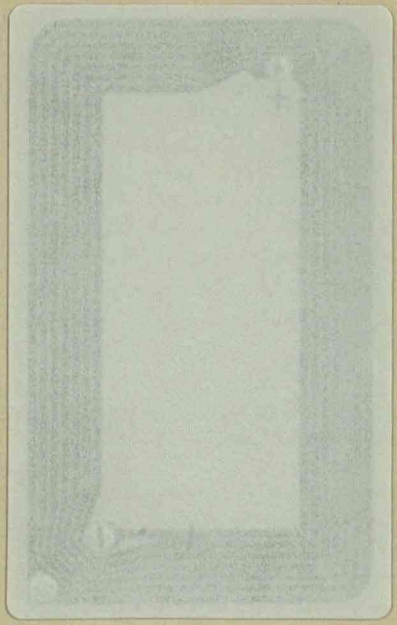
V

Парторг прислушался—
Гудят автоколонны.
И видел он, колхозный коммунист,
Не только даль дороги пропыленной,
Куда машины грузные неслись,
Не только степь,
Где злые ветры дуют,
Где гаснет одинокая звезда,
Он видел цель,
Желанную, святую,
Большую цель
Великого труда.
Воскликнул он:
— А время-то какое!
Дорога в коммунизм ведет через страду.
Страда рождает тысячи героев,
Готовых к бою, к славному труду.
Для них нет норм.
Мечте их нет предела,
Чисты их души, как весенний дождь.
Они природу смогут переделать...
Чабан свое:
— Хорош портрет, хорош!
Ты правду говоришь: такие люди
Не испугаются ни боя, ни труда.
Как, парень, думаешь?
... Харол вздохнул всей грудью
И, пряча взгляд, сказал:
— Конечно, да!
А бригадир поспешно тронул повод:
— Ну, будь здоров! Спешу на агрегат...
И голос прозвучал опять сурово:
— Там кто-то бросил вилы, говорят...

И я спросил:
— Куда ваш путь ведет?
Ответил мне строитель из Аскиза:
(Я те слова запомнил навсегда)
— В бескрайние просторы коммунизма
Пойдут дорогой этой поезда!..
И я живу,
И жизнь моя богата
Большим трудом во имя той мечты.
Я не уйду, как трус, из агрегата,
Не испугаюсь трудностей, как ты.
И не позволю никому на свете
Нас разлучить с заветною мечтой!
... Молчал Харол
И, наконец, ответил:
— Я... виноват, старик, перед тобой...
Но я...
И парень, слово обрывая,
Вдруг повернулся и пошел туда,
Где честь людей
Работой проверяя,
Шумит колхозная
Горячая страда.
В ушах звучит:
„А время-то какое!
Дорога в коммунизм ведет через страду.
Страда рождает тысячи героев
Готовых к бою, к славному труду".
И с каждым шагом прибавлялась сила,
С которой можно все преодолеть.
... Так эта ночь
Харола научила
На жизнь свою
По-новому смотреть,
Не зная трудностей,

Любить душою дело
И никогда не пятиться назад.
. . . . . .
А вскоре весть бригады облетела:
— Полсотни га
Дал нынче агрегат!
... И пели девушки,
А зорька занималась,
Лучами силясь даль степей обнять...
... Была страда.
И нива призывала
Всю силу сердца Родине отдать!

Цена ~~1 руб. 25~~ 13 к коп.